

...ВСЮ ЖИЗНЬ

ЕГО УЧЕНИКИ

Георгий Пантелеймонович, сегодня о Пушкине создана огромная научная литература — сборники, монографии, статьи о творчестве поэта, о его жизни. Если мы возьмем 1830-е годы, а именно им посвящены и первая, и только что вышедшая вторая часть вашего обширного исследования, то увидим, что о каждом крупном произведении Пушкина этого времени уже есть многочисленные работы ученых, писателей... Что же вызвало у вас столь пристальный интерес к творчеству Пушкина в тридцатые годы?

— Действительно, о большинстве произведений писателя, созданных им в этот период, написано много интересных исследований. Но они рассматривают их изолированно, в лучшем случае внутри жанра — например, сказки. А ведь если смотреть на одно произведение, то тогда как бы исчезает понятие развития, движения поэта. Вот и получается, что некоторые исследователи отрицают или не замечают эволюции политических, социальных, исторических и эстетических взглядов Пушкина в это время. И потому, например, воззрения поэта эпохи «Стансов», когда он верил в возможность проведения Николаем I политики просвещенного абсолютизма, они переносят на Пушкина тридцатых годов. А это противоречит реальной общественной позиции Пушкина! Да и всему его творчеству!

Возьмем, к примеру, одно из последних стихотворений — «Пир Петра Первого». Казалось бы, наглядное подтверждение такого мнения: в «Стансах» в 1826 году поэт призывал царя к милости (а вы знаете, что в это время Пушкин был вынужден вступить в договорные отношения с императором) и в «Пире...» проповедует то же самое.

Но давайте разберемся в ситуации! 14 декабря 1835 года исполнилось десять лет восшествия на престол Николая I, а значит, и десятилетие восстания декабристов. В этих обстоятельствах, если верить исследователям, утверждающим, что Пушкин по-прежнему возлагал надежду на царя и что цель его стихотворения «Пир...» — призыв к императору со ссылкой на пример Петра I «быть великодушным к побежденным врагам — декабристам», то получается, что поэт должен был написать и напечатать стихотворение до юбилейной даты. А он этого не сделал! Он не напечатал! Вот тут возникает странное противоречие — призывал царя к милости, а призыв — стихотворение — не напечатал. Почему?

«Пир Петра Первого» был опубликован лишь в апреле 1836 года в первом номере «Современника». Через четыре месяца после того, как был издан царский указ. Именно указ и помог восстановить эту историю. Его содержание объяснило многое. Им были возмущены и в Сибири, и в Петербурге, поскольку ожидавшейся амнистии не было: царь лишь сократил срок каторги на 2—3 года. И Пушкин, безусловно, не мог иначе, чем декабристы, расценить издевательский характер «милости» царя.

Так стало вполне ясно, что «Пир Петра Первого» писался не до издания указа (потому-то Пушкин и не напечатал его в декабре и не собирался призывая Николая I к милости), а после знакомства с указом. Потому поэт и не благодарил царя, но выступил со стихотворением «Пир Петра Первого», в котором открыто формулировались требования отказаться от мнения осужденным, осуществить акт, ожидавшийся русским обществом. Пушкин предложил и форму этого акта — не милость, а, следуя историческому примеру великого Петра, примирение с подданными.

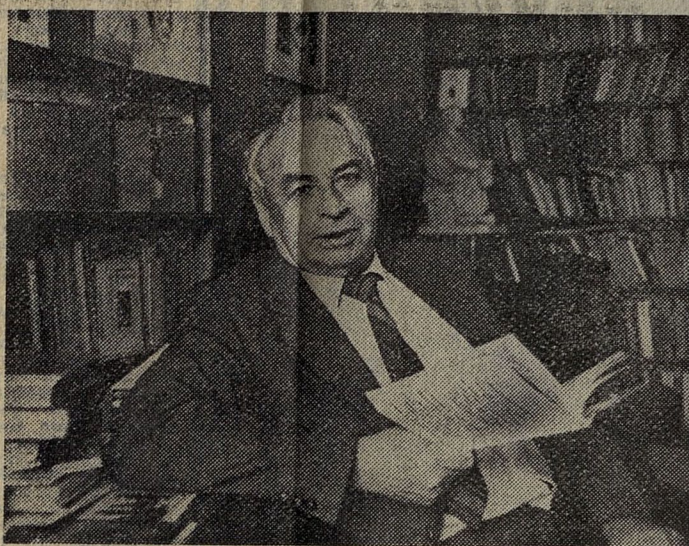
Стихотворение это звучало острополитическим уроком царю. Оно явилось важным событием в гражданской биографии Пушкина. Десять лет спустя после восстания декабристов он, печатая стихотворение, подчеркивал духовную близость с «товарищами и братьями», с теми, кого правительство именovalo государственными преступниками.

Так что, как видите, «Пир Петра Первого» не продолжал, а отрицал политическую линию, занятую Пушкиным в 1826 году. Это одно из доказательств того, что концепция о единстве пушкинского мировоззрения в последние десять лет его жизни несостоятельна.

Тридцатые годы — пора зрелости Пушкина. И очень важно целостное рассмотрение его художественного творчества в этот период. Вторая часть моей монографии посвящена последним четырем годам. Болдинская осень 1833 года оказалась началом нового этапа в идейном и эстетическом развитии поэта. Толь-

ЛЕНИНГРАДЦЫ старшего поколения знают Георгия Пантелеймоновича Макогоненко как военного радиокорреспондента. А для многих поколений студентов-филологов, начиная с послевоенной поры и по университету. Всем, кто любит русскую литературу, наш воскресный гость известен как автор исследований о литературе XVIII и XIX веков, о творчестве Александра Сергеевича Пушкина.

Воскресный
гость
«Смены» —
доктор
филологических
наук
Георгий
Пантелеймонович
МАКОГОНЕНКО

ко учитывая эту эволюцию его взглядов и убеждений, мы можем приблизиться к пониманию всего созданного великим писателем за столь короткий, трагический период жизни. Хочу, чтобы вы меня поняли правильно и не подумали, что в моих исследованиях высказана абсолютная истина. Как вы понимаете, это моя точка зрения, определенная моя позиция.

— Георгий Пантелеймонович, как вы объясните тот факт, что Пушкин сегодня писателем остро современным — его не только изучают, им не только гордятся, но им зачитываются... Чем, по-вашему, вызвано это явление?

— Видно, в первую очередь тем, что творчество Пушкина открывает важные закономерности бытия человека в любую эпоху. Вопросы и проблемы, которые он жестко и бесстрашно ставил перед современниками и потомками, поражают нас своими масштабами. Человек и государство, личность и самодержавие. Свобода человека — в чем она? Жизнь и смерть — как надо жить достойно и как достойно должно умирать...

В этом плане бесконечно интересно его художественное познание народа! В тридцатые годы у Пушкина растет убеждение, что все-таки решать судьбу родины, судьбу человека, свободы в России может и будет только народ. Но мало декларировать: народ есть главная сила истории. А что это за народ? Каковы его нравственные устои, какова национальная и социальная его активность? Уже в «Истории Пугачева» Пушкин с новых позиций начал художественное познание народа, которое продолжалось в последующих произведениях и с особенной полнотой в «Капитанской дочке».

Собеседование с Пушкиным и сегодня помогает понять какие-то важные нравственные представления. Ну возьмите, к примеру, как это ни покажется странным, понимание смерти. Вспомните, как эта тема проходила в русской литературе... У Жуковского — это романтическое представление, связанное с индивидуалистическим сознанием и религиозными убеждениями. Другое, народное, — у Крылова, Денна Давыдова. Тема эта есть и у Пушкина в его драматических произведениях и лирических стихотворениях. Но как мудро, как неожиданно и смело она решается!

Вот малоизученный, к сожалению, не привлекающий должного внимания исследователей цикл «Песни западных славян». Поводом и материалом для его создания послужили сербские народные песни, данные Мерице в про-

не утратил веры в него, в его способность к сохранению, самоутверждению себя как личности, в его возможность отстоять свою свободу и достоинство. Его герои жили напряженной духовной жизнью, их судьбы оказывались связанными с судьбами мира, через их сердце проходила история, на живых страницах которой запечатлевались их радости и страдания, поражения и победы духа.

Разговаривая со своими современниками, Пушкин не только ставил и выдвигал актуальнейшие для России и для каждого отдельного человека вопросы, но и утверждал открытые им истины. При этом Пушкин не скрывал и своих сомнений, невозможность в современных ему условиях найти так нужные всем людям, и прежде всего народу, решения. Оттого главным в его произведениях были призывы продолжать поиски. Искать, не боясь сомнений и поражений, не отчаиваясь, а идти вперед, веруя, что только неустанно работающая, только выстрадавшая мысль откроет в конце концов истинную правду.

Все это — и свои выстрадавшие мысли, и художественно совершенные творения — Пушкин спешил отдать людям. И мы всю свою жизнь его ученики.

— Из воспоминаний современников известно, что были времена, когда интерес к творчеству Пушкина угасал. Ситуация, которую сегодня просто трудно вообразить...

— Вы знаете, в процессе изучения Пушкина я особенно остро почувствовал такую, в общем, трагическую коллизию взаимоотношений литературы и критики. Какими бы великими ни были критики, все равно они люди своего времени и потому разделяли в той или иной мере мнения, представления, убеждения своих современников. Вот и получалось — великий писатель делает великие открытия в познании человека и общества, а его новые произведения не понимают ни публика, ни критика. Почему? Потому что они подходят к новому со сложившимися мерками уже старого.

Ведь Пушкин в 1820-е годы увлек всю читающую публику и критику своими романтическими произведениями, поэмами «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», исполненными живого воображения и пламенных чувств... Все же новое представлялось прозаически скучным, лишенным былого огня. Вот поэтому и Беллинский в тридцатые годы не понимал нового, реалистического Пушкина.

Но есть закономерности другого порядка. Есть литературный процесс и есть развитие литературы. И это развитие, в частности, проявляется в том, что к уже сложившимся писателям в литературу входят новые молодые силы — действует объективный закон преемственности, без этого литература не могла бы развиваться. Так вот, оказывается, если Пушкина не понимали ни читатели, ни критика, то его понимали молодые писатели. И прежде всего надо назвать имена Гоголя и Лермонтова.

В 1835 году появилась гениальная статья мало еще известного Гоголя «Несколько слов о Пушкине», где он говорил: «Пушкин — великий национальный поэт». А это ведь тогда никому еще в голову не приходило! Не называя слова «реализм», он очень точно объясняет существо творческого метода поэта. В той же статье он говорит о том, что Пушкин — народный писатель и его народность не в сарафане, не в одежде, не в еде, а в духе народа. И в умении, о чем бы он ни писал, какой бы «сторонний» мир ни изображал, смотреть на все глазами народа. И это сказал двадцатипятилетний, собственно, только еще начинающий писатель!

— Наверное, это очень важно — видеть творчество Пушкина глазами таких современников, которые понимали много такого, чего мы не замечаем...

— Тема Гоголь и Пушкин, Лермонтов и Пушкин уже давно привлекала внимание исследователей литературы. И на ближайшее время она остается первоочередной. Исторически достоверным и точным источником сведений о том, как воспринимали современники произведения Пушкина, является прежде всего творчество наследников. Тех писателей, которые осваивали открытия своего великого предшественника, — Гоголя и Лермонтова. Изучение характера этого освоения позволит нам глубже и плодотворнее исследовать проблему Пушкин и русская литература. Но это уже предмет моей новой книги.

Беседу вели

Г. ГЕОРГЕ,

Н. НЕКРАСОВА

Фото И. Куртова